
Н.И. Бубнова

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА:
НОВЫЕ ИПОСТАСИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ***

Бубнова Наталья Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений РАН.

Кризисы в отношениях России со странами Запада на протяжении последних двух десятилетий сравнивали с холодной войной уже не раз: во время бомбардировок Белграда, к концу администрации Буша, в период Грузинской войны 2008 г. Практически всякий раз в период возникавших кризисов говорили о том, что ситуация достигла дна, что хуже не бывает. Однако представители поколения, жившего и активно работавшего в сфере внешней политики в 60-е, 70-е, 80-е годы, отдавали себе отчет, что это было еще далеко не так, что во времена оны было куда как хуже. Еще чуть более года назад можно было надеяться, что холодная война сгинула в Лету и никогда больше не повторится. Однако сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что все параметры, которыми характеризовалась холодная война, на этот раз имеют место. Налицо политическое противостояние, экономические санкции, в первую очередь со стороны Запада, масштабная информационная конфронтация и – что особенно трагично – очень даже реальные горячие стычки, – на юго-востоке Украины, где Россия и Запад хоть и не являются «сторонами конфликта», но где их интересы схлестываются, аналогично тому, как это происходило в Корее, Никарагуа или Анголе во времена холодной войны.

Что отличает нынешнюю ситуацию от тогдашней – это не только отсутствие идеологического компонента, а отсутствие тотальности противостояния:

* Публикация подготовлена на основе выступления на мероприятии Научно-образовательной программы «Диалог во имя будущего – 2014», проводившемся Фондом Горчакова «Мир и справедливость» 7–13 декабря 2014 г. [1].

оно имеет место не везде, не во всем, не все регионы охвачены им, речь идет не о глобальном противостоянии, более того, оно даже не в центре мировой политики (хотя в российском восприятии может представляться именно таковым).

Еще в 90-е годы в период преподавания в российском и американском университетах, автору неоднократно приходилось высказывать точку зрения, что Россия, даже если она останется слабой, никогда не станет подчиняться диктату, не согласится встраиваться в единоначальный *Pax Americana* и будет действовать неожиданно для США и западных стран, поступая так, как считает правильным – но произошедшая конфронтация всё же не была неизбежной. Многие отечественные политики и эксперты делают вывод о том, что конфликт по поводу Украины – не причина, а своего рода триггер в противостоянии с Западом, что противоречия в действительности вызваны перестройкой международных отношений. Но эта гипотеза нуждается в дополнительном критическом анализе: при всей ее кажущейся «фундаментальности», не является ли она «подогнанной» постфактум под логику развития ситуации? Ведь никто не предсказывал такой глубины «провала» в отношении России с Западом – как это должны были бы делать те, кто сейчас говорит о его «неизбежности» и «закономерном» характере.

Кто виноват?

С точки зрения западных стран, Россия нарушила международное право, разрушила систему международного правопорядка, забрала у соседней страны – в трудной для нее ситуации – часть территории, продолжает вмешиваться в развитие событий на Украине. Конечно, во всем этом прослеживаются и двойные стандарты, и доля лицемерия, и высокомерие, и исторически сформировавшиеся предубеждения. И тем не менее Россия для западных стран превратилась если не в изгоя, то в агрессивную непредсказуемую страну, которой нельзя доверять.

Между тем, с точки зрения российского руководства, именно западные страны сначала обманули Россию, вопреки договоренностям встав на путь расширения НАТО, затем предали ее, «организовав» Майдан, а в довершение, пользуясь принятым теперь у политиков жаргоном, «кинули» ее, поддержав государственный переворот на Украине в нарушение соглашения 21 февраля, под которым подписались и министры иностранных дел Франции, Германии и Польши. Не зря же, как полагают сторонники «теории заговора», накануне Майдана на Украине действовали около 60 американских НКО, не зря помощник государственного секретаря США В. Нуланд в опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» статье писала: «Мы вложили более пяти миллиардов долларов ... чтобы продвинуть Украину к тому будущему, кото-

рое она заслуживает» [2], президент американского Национального фонда за демократию (National Endowment for Democracy) К. Гершман назвал Украину «самым большим призом», а сам Барак Обама, неожиданно для многих, разразился признанием, что Америка помогла достичь договоренности о передаче власти в феврале 2014 г. на Украине – хотя переговоры тогда велись без участия США, и американская сторона на протяжении последующего года всячески отрицала свою причастность.

Долгое время казалось, что в российских правительственных кругах думают – хотя не совсем понятно, как такое было возможным – что реакция западных стран на присоединение Крыма и охлаждение в отношениях со странами Запада – дело временное. Что, как после грузинского кризиса, они быстро «успокоятся», примирятся с присоединением Россией Крыма и ее позицией по Украине и вернуться к *business as usual*. Но те, кто так считали, заведомо ошибались. Реакция Запада и кризис в отношениях с ним – это всерьез и надолго.

Не правы или не вполне правы и те, кто полагал, что Европа действует под нажимом США и что можно «отцепить» Европу или – как раньше бывало, – европейские страны «поодиночке» от Соединенных Штатов. Европейцы в данном случае последовательно проявляли политическую принципиальность, даже в ущерб своим экономическим интересам, действуя не менее жестко, чем американцы, до последнего момента – пока не стала очевидной угроза разрастания конфликта на Украине и перспектива поставок американского оружия украинским войскам.

На парламентских общественных слушаниях по вопросу о том, можно ли назвать теперешние российско-американские отношения холодной войной, проходивших 8 декабря 2014 г., выступавшие, кроме одного, были уверены, что это подходящая характеристика для нынешнего положения. Все, включая заместителя министра иностранных дел С. Рябкова, говорили, что речь идет о новой холодной войне, что санкции не отменят долго (вспоминали пресловутую поправку Джексона-Веника, просуществовавшую в своем полуреликтовом состоянии без малого 40 лет), что присоединение Крыма к России не будет признано странами Запада (как в свое время за весь послевоенный период так и не признали присоединение Советским Союзом стран Балтии). М. Горбачёв сделал заявление – с которым, впрочем, не согласилась представитель Государственного департамента Дж. Псаки, – что Америка уже втянула Россию в новую холодную войну, «пытаясь открыто реализовать свою генеральную идею о триумфаторстве» [3], и что не исключено перерастание конфликта в горячую стадию. Статья А. Арбатова в ежедневном электронном бюллетене Московского центра Карнеги «Eurasia Outlook» под заголовком «Хуже, чем холодная война» [4], стала самым читаемым среди материалов

издания за весь год (ее загрузили почти 13 тыс. человек в режиме *unique views*).

Что делается?

Политические меры Запада не восполняют отсутствия стратегии

Официально США и другие страны Запада взяли курс на «изоляция» России. Однако под этим эвфемизмом скрываются гораздо более жесткие намерения. В российских политических кругах говорят даже, что Запад взял курс на смену режима в России, причем подобное можно услышать как от органических «антизападников», так и от до недавнего времени «умеренных», таких как В. Третьяков, В. Никонов, С. Соловьев.

Между тем в Соединенных Штатах и в Евросоюзе принимаются всё новые и новые визовые санкции и прочие агрессивные антироссийские законопроекты. Принятый в мае 2014 г. и подписанный президентом Обамой в декабре Законопроект Менендеса–Коркера, носящий название «Акт в поддержку свободы Украины 2014», предполагает замораживание активов и собственности лиц ближайшего окружения Путина, наказание компаний, предоставляющих финансирование или иным образом помогающих российской энергетической программе, «меры по укреплению демократических институтов» в странах бывшего Советского Союза, усиление информационной активности, в том числе на русском языке, в соседних с Россией странах.

Резолюция 758, одобренная американским Конгрессом 4 декабря 2014 г. подавляющим большинством (411 голосов – «за», 10 – «против»), фактически состоит из политических ультиматумов России. Конгрессмен Р. Пол на своей странице в *Facebook* назвал ее «путем к войне» и худшей из резолюций, принятых за историю деятельности Конгресса. Прекращена деятельность Комитета по гражданскому обществу Президентской комиссии (Макфол–Сурков).

Идет война взаимных обвинений и эскапад *quid pro quo*. Украинская Рада проголосовала за признание России страной-агрессором, а ЛНР и ДНР – террористическими организациями, и обратилась к другим странам с призывом последовать ее примеру. На зимней сессии ПАСЕ было продлено введенное в апреле 2014 г. – после присоединения Крыма – решение о лишении России права голоса в ПАСЕ и права участия в наблюдательных миссиях и руководящих структурах этой организации. В ответ российская сторона приостановила членство в ПАСЕ до конца года, а в российском политическом истеблишменте начали обсуждать вопрос о пересмотре всех взаимоотношений в рамках Совета Европы. В связи с голосованием в ПАСЕ, спикер Государственной думы С. Нарышкин поручил проработать вопрос, поднятый депута-

том-коммунистом Н. Ивановым, об осуждении «аннексии Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германия в 1989 г.». Ранее он выступал с подобными инициативами, предлагая, в частности, дать юридическую оценку бомбардировок Соединенными Штатами Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. и изгнать США из НАТО, «чтобы повысить уровень безопасности на континенте». А затем в Думе была выдвинута инициатива поднимать вопрос о выплате Германией России репараций за ущерб, нанесенный ей в ходе Второй мировой войны.

Соединенные Штаты и их европейские союзники действуют, исходя из исповедуемой ими – несмотря на декларации об обратном – теории *realpolitik*, предполагающей дихотомию *reward – punishment*: награда – наказание [5]. Но эти принципы не всегда работают даже на личностном уровне, не говоря уже о межгосударственных отношениях со странами. В частности, для русских исторически всегда было важным ощущение – правда или не правда? А в данном случае, российским пропагандистам удалось убедить большую часть населения, что правда на нашей стороне и «крымнаш», и это дало российскому руководству кредит доверия. Немалую роль сыграло и то, что российским населением воспринималось как пренебрежительное отношение, унижения и притеснения со стороны Запада, лидеры которого в большинстве своем исходили из уверенности, что одержали победу в холодной войне.

Курс на изоляцию России является ошибочным. При всем том, что отсутствие у Запада внятной стратегии в отношении России на протяжении двух десятилетий являлось, быть может, самым большим его просчетом, но линия на противостояние с Россией – еще хуже. Кто бы ни выиграл в первой холодной войне, но во второй холодной войне победителей не будет – будут только проигравшие.

***Экономические санкции эффективны
в нанесении ущерба, но непредсказуемы для будущего***

Страны Евросоюза договорились о продлении санкций против России на шесть месяцев, начиная с марта 2015 г. В конце января 2015 г. было принято решение о расширении санкционного списка, запретительные меры которого теперь касаются целых отраслей российской экономики и дополнительных лиц в России и непризнанных республиках Востока Украины. Поднимался вопрос о возможности закрытия России доступа к системе банковских платежей SWIFT.

Санкции нанесут ущерб экономике России, поскольку Европа – главный торговый партнер России (41% торговли страны до введения санкций) и 75% прямых инвестиций в Россию до 2014 г. поступало из Европы. В результате

санкций Россия лишится как основных источников финансирования, так и доступа к передовым технологиям. Что же касается возможностей импортозамещения, то все, кто жил в Советском Союзе, знают, какого качества товарами замещается импорт и какими перебоями и очередями чреват возникающий в результате дефицит, что особенно актуально в условиях возрастающего огосударствления российской экономики и начинающегося регулирования цен. Однако хотя Крым и позиция по Украине будут дорогими для России, но «это не про экономику», и экономические последствия, повидимому, не брались во внимание при принятии соответствующих решений.

Однако и Европа в результате введенных санкций тоже пострадает. Ведь по данным 2012 г., европейские страны за год экспортировали в Россию товаров и продовольствия на 170 млрд долл. 84% российской нефти и 76% российского газа поставлялись в европейские страны, причем Болгария, Румыния, Венгрия получали 100% своего газа из России. Хорошо еще, что российским экспортерам достало разума заявить о том, что продажа нефти и газа Европе не прекратится. В результате введения санкций и ухудшения экономического положения России, помимо всего прочего, будет нанесен ущерб и так многострадальной и находящейся на грани экономического коллапса Украине, являющейся ближайшим соседом России и наиболее тесно взаимосвязанной с ней в экономическом плане.

Ухудшение экономической ситуации воздействует на граждан страны. Но механизм причинно-следственных результатов данного воздействия иной, чем, например, в Европе. Когда людям здесь плохо, это совсем не означает, что произошедшее будут непременно ставить в вину властям. В стране с отсутствием демократической традиции причинно-следственная связь видится другой вследствие иной ментальности. Даже российские либералы зачастую говорят: «Почему выбрали в качестве мишени простых людей?» Они тут, мол, не причем! Как будто рядовые граждане никак не отвечают за политику страны и не могут оказать влияния на выбранных ими политических деятелей.

В санкциях российские граждане обвиняют Запад, не российские власти. Показательно, что и падение цен на нефть россияне связывают с будто бы инспирированным Соединенными Штатами разговором. Удивительно, но по опросам общественного мнения даже в продуктовых санкциях, которые, как известно, были введены самим российским правительством, значительная часть российских граждан – в результате сформировавшегося мобилизационного сознания и под воздействием государственной пропаганды – тоже склонны обвинять западные страны.

Следует также учитывать, что то, что европейцу запредельно плохо – россиянам может быть вполне по силам. В стране, не избалованной достатком и с трудным историческим опытом, граждане обладают большей вынос-

ливостью. В кризис в европейских государствах 7% падения жизненного уровня воспринимались как беда. Тогда как у нас, где по различным оценкам в 90-е годы произошло падение экономики от 50 до 70%, люди худо-бедно выживали, а многие, несмотря на лишения, воспринимали тот период как светлое время надежд. У нас в стране еще не забыли, как шить и вязать, своими силами делать ремонт и чинить машину, сажать огород и «закапывать» фрукты-овощи (большая часть сельскохозяйственных продуктов в СССР производились на приусадебных участках) и тысячи других практических навыков, которые – увы! – могут вновь оказаться полезными.

Хотя в любом случае экономические потери от санкций – и чужих и своих – будут значительны, но они также будут непредсказуемы с точки зрения их будущего влияния, краткосрочных и долгосрочных последствий.

Военные меры усиливают конфронтацию

В мае 2014 г. Конгресс США сразу в двух чтениях принял законопроект «О предотвращении российской агрессии 2014», позволяющий предоставить Украине, Грузии, Молдове статус «важных союзников» без членства в НАТО. Законопроект предусматривает военную помощь Украине, обмен с ней данными американской разведки, расширенное обучение сил безопасности стран, не входящих в НАТО. Он также предполагает активизацию НАТО, расширение военной поддержки Польши и стран Балтии, ускоренную реализацию программы строительства системы противоракетной обороны в Европе.

На саммите НАТО, проходившем 4–5 сентября 2014 г. в Уэльсе, Россию впервые со времени окончания холодной войны – уже, наверное, надо говорить «первой холодной войны» – официально признали угрозой для альянса и «угрозой для евро-атлантической безопасности». На саммите НАТО в Анталии 4–5 мая 2015 г. говорилось через запятую о двух проблемах, создающих «дугу нестабильности», где «на Востоке более напористая Россия, ответственная за агрессивные действия на Украине, а на Юге беспорядки, насилие, охватывающие все более обширную территорию на Ближнем Востоке и Северной Африке». В Польше, Румынии, прибалтийских странах развертываются новые военные объекты, где на ротационной основе должны размещаться контингенты войск НАТО. Подразделениям США в Восточной Европе придаются танки (до того последние американские танки были выведены из Европы в 2013 г.), вдвое увеличено число самолетов, осуществляющих патрулирование над Эстонией, Литвой, Латвией. Принятый на Саммите НАТО План действий по оперативному реагированию (Readiness Action Plan) предусматривает создание нового экспедиционного корпуса для быстрой переброски войск численностью примерно 5 тыс. человек. На территории

прибалтийских стран, в Западной Украине, в Польше, в акваториях Балтийского и Черного морей прошли маневры НАТО с участием кораблей и авиации, осуществлено более полутора десятков заходов американских кораблей в Балтийское и Черное моря. Альянс собирается оказывать Украине помощь в осуществлении военного планирования и военной реформы.

Уже упоминавшийся выше «Акт в поддержку свободы Украины 2014» позволяет предоставлять войскам Порошенко так называемое «оборонительное» летальное оружие (противотанковое и бронебойное оружие, беспилотники, системы обнаружения и контроля огня и др.), ставит под вопрос выделение средств на сокращение вооружений по СНВ, предусматривает возможность разрыва Договора РСМД, предполагает выделение дополнительных денег на ускоренное развитие ПРО в Восточной Европе. Одобренная Конгрессом США 4 декабря 2014 г. Резолюция 758, наряду с прочими мерами, также санкционирует поставки Украине летального оружия. Хотя оба документа не носят обязывающего характера, они могут рассматриваться как своего рода дамклов меч, довлеющий над президентом США, побуждая его принимать решения в пользу более жесткой политики. Появились сообщения о планах перевода американской военной техники из Афганистана на Украину, которые, впрочем, были впоследствии официально опровергнуты Пентагоном.

Важно, однако, что несмотря на все эти меры, противостояние носило в основном политический характер, лишь с некоторыми военными обертонами. Но и бряцание оружием, угрозы и повышение уровня боеготовности тоже сами по себе опасны, особенно в условиях произошедшего территориального сближения противостоящих сил. Угроза также связана с наличием ядерного оружия у обеих сторон. Причем в отличие от периода холодной войны, в настоящее время нет согласованных в двустороннем порядке правил, по которым ведут себя противостоящие друг другу вооруженные формирования в период обострения напряженности, нет опыта противостояния – что повышает градус опасности.

Информационное противостояние

В авторитарном государстве, да еще в период обострения международной ситуации, само собой ожидается, что СМИ оказываются под давлением государства, заинтересованного в их поддержке. Российская пресса, которая, по рейтингам *Freedom House*, квалифицируется как «несвободная», оказалась втянута в конфликт. Хотя достоверность рейтингов часто подвергается сомнениям, и среди российских СМИ – как печатных, так и электронных – немало тех, где выражаются мнения, не совпадающие с официальной позицией Кремля, в российских правительственных и экспертных кругах открыто гово-

рят об «информационной войне». Начиная с истории с якобы «распятым мальчиком», ежедневно в социальных сетях разоблачаются многие подтасовки и смонтированные в Photoshop'e снимки, используемые недобросовестными журналистами.

Ну а западные СМИ?! Почему они в условиях разгоравшегося конфликта оказались не менее односторонними и предвзятыми, чем российские? Ведь западных журналистов «с молодых ногтей» учат взвешенной подаче информации, честности как непреложному требованию профессии, представлению фактов и событий с точки зрения каждой из сторон конфликта. Неизжитая холодная война, все еще присутствующая в исторических книгах, лекционных курсах, учебниках западных университетов, как будто настигла из своего далека и современное поколение журналистов, обуславливая их негативные стереотипы восприятия.

Однако есть немало прецедентов и просто-таки недобросовестной подачи информации американской и европейской прессой. Во время грузино-осетинского конфликта западные СМИ представляли происшедшее так, будто бы это Россия напала на Грузию, а не грузинские Вооруженные силы подвергли ночной бомбардировке столицу Южной Осетии Цхинвали и убили российских миротворцев – как это было на самом деле. Европейские СМИ потом «одумались», некоторые – уже через неделю, а другие – после публикации выводов Комиссии Тальявини¹. А американские так и пребывают в заблуждении. Впрочем, сейчас, под воздействием событий на Украине, и в европейской прессе грузино-осетинский кризис снова уже освещается с сугубо антироссийских позиций, под углом «российской вины» в провоцировании конфликта.

Западные СМИ почти не показывали агрессивных действий протестующих на Майдане. Показательно в этом плане, что уже после того, как бойцов «Беркута» забрасывали бутылками с зажигательной смесью и были многочисленные жертвы среди представителей сил правопорядка, Обама назвал происходящее на Майдане «мирным протестом». Западные СМИ не задавались вопросом о легитимности захвата власти в Киеве и даже о том, кем были снайперы, застрелившие более 100 протестующих.

После присоединения Крыма корреспондент CNN Ф. Блэк в прямом эфире на вопрос, высказывалась ли в российских СМИ иная точка зрения, кроме поддержки присоединения полуострова, ответил, что «ничего такого за последние две недели не встречал». Хотя все российские газеты, включая,

1. Международная комиссия, получившая название по имени ее председателя Хайди Тальявини, была создана 2 декабря 2008 г. при поддержке Евросоюза для расследования фактической стороны обстоятельств возникновения и развития вооруженного конфликта в Грузии.

например, «Ведомости», содержали, наряду с прочими, критические материалы в отношении действий властей.

Может быть, речь идет просто о незнании вопроса – как это ни покажется странным многим представителям российского медийного пространства, привыкшим считать своих американских оппонентов более сведущими, чем те зачастую являются? В первой половине 90-х годов, например, отдельными американскими экспертами высказывалось предположение, что одной из причин, почему США заняли однозначно антисербскую позицию, было то обстоятельство, что единственным корреспондентом американского новостного агентства, освещавшим события и распространявшим свои сообщения по американским СМИ, была журналистка, оказавшаяся в районе действия сил боснийских мусульман и соответственно дававшая «картинку» и интерпретацию событий с той, односторонне антисербской, точки зрения. Интересно, что той журналисткой, по-видимому, была не кто иная, как С. Пауэрс, в настоящее время являющаяся представителем США в ООН.

Другой подобный пример: во время грузинских событий в августе 2008 г. ведущая CNN Ф. Суини заявила, что точно так же во Вторую мировую войну российские войска бомбили Варшаву – явно путая их с немецкими.

6 марта 2014 г. австралийская корреспондент CNN А. Корен упомянула в прямом эфире, что «Крым до 1954 г. был частью Советского Союза, а потом при разделе страны достался Украине». А затем 8 марта – что крымские власти выдвинули ультиматум украинским военным, что они должны-де принести присягу России или покинуть полуостров – тогда как в действительности речь шла о присяге Крыму.

Западные СМИ почти не освещали народные протесты против новых киевских властей на Востоке и Юго-Востоке Украины. Потом более полугодом не показывали или показывали очень мало использование украинскими войсками вооруженной силы на Востоке страны и связанные с этим разрушения и человеческие трагедии. На долгое время тогда оказалась позабыта принятая практика демонстрировать «человеческие истории» (human stories) – то чему учат в журналистских школах Соединенных Штатов. На экранах была картинка чего угодно – действий ИГИЛ в Ираке и Сирии, терактов в Ираке, событий Израильско-Палестинского конфликта, но не войны в самом сердце Европы.

После пожара в здании профсоюзов в Одессе другая ведущая CNN, лауреат премии «Эмми» К. Кроули в интервью с американским послом в Киеве Дж. Паэттом 4 мая ничтоже сумняшеся задала ему вопрос: «Стояла ли Россия за пожаром в здании в Одессе в пятницу?»!

После крушения малазийского Боинга в западных СМИ не рассказывали о версиях произошедшего, говорили о вине России. «Буки», из которых предположительно сбили самолет и которые в количестве 47 единиц стояли

на тот момент на вооружении Украины, называли «российскими ракетами», тогда как применительно к Сирии говорилось, что ИГИЛ воюет не «американскими ракетами», а «ракетами американского производства».

В статье об обороне Донецкого аэропорта, как и во многих других публикациях, сражающиеся в украинской армии называются «украинцами» – в противоположность «сепаратистам» [6]. И подобным примерам несть числа. В резолюции 758 информационная составляющая деятельности против России подчеркивается. Бывшая госсекретарь Х. Клинтон сказала, что резолюция означает «информационную войну». Удивительно, как широкая европейская общественность, в том числе и тысячи тех, кто несли плакаты «Je suis Charlie», не замечают или игнорируют вопиющий факт нарушения права людей на объективную, многостороннюю информацию. Свобода прессы – базовая ценность, но она особенно важна в период противостояния, чтобы были услышаны обе стороны, все украинцы, в том числе страдающие люди Донеска и Луганска.

Что следует делать?

Политическое урегулирование

Без урегулирования на Украине не будет преодоления противостояния с Западом. Базой для таких договоренностей являются Минские соглашения (Минск-I и Минск-II), предусматривающие как военные меры: прекращение огня, отвод тяжелых вооружений, разделение враждующих сторон, так и политические условия прекращения конфликта, включая территориальную целостность Украины, внеблоковый статус Украины (как у Австрии в 1955 г. или у Туркменистана в 1995 г.), самоуправление Востока Украины, обеспечение прав русского языка. Между тем не проработан вопрос о гарантиях прекращения огня и отвода войск и механизмах контроля за этим процессом. Чего нет в Минских соглашениях (и первом, и втором) – это требования вывода из района конфликта правительственных войск Украины и Национальной гвардии (в минских документах речь идет только о выводе незаконных вооруженных формирований и иностранных военных) – такое положение было предусмотрено в рекомендациях, подготовленных группой Бойсто².

2. Группа видных российских и американских экспертов по вопросам внешней политики, включая ряд ведущих сотрудников ИМЭМО РАН, Фонда Карнеги, группы Киссинджера, созданная в 2014 г. для поиска путей преодоления украинского кризиса и урегулирования ситуации на Востоке и Юго-Востоке Украины. В сентябре 2014 г. группой был разработан и представлен план дипломатического решения конфликта.

Между тем сам факт неожиданного приезда в Москву европейских лидеров, а затем 16-часовой встречи четырех лидеров 6 февраля 2014 г. в Минске является очень важным. Может быть, определенную роль в решении канцлера Германии и президента Олланда сыграло упомянутое ранее неожиданное признание президента Барака Обамы, что Америка год назад «содействовала достижению договоренности о передачи власти на Украине»? Как могли воспринять это заявление европейские лидеры, которые – без американского участия – вели переговоры на Украине в феврале 2014 г. и уполномочили своих министров иностранных дел поставить подписи под соглашением 21 февраля, сразу же нарушенное, – как теперь выясняется, при американском «посредничестве», затем на протяжении всего года всячески отрицалось Вашингтоном?

Благая идея единого евроатлантического пространства безопасности, в рамках которой мог бы эффективно быть разрешен этот конфликт, осталась в прошлом. Директор Института США и Канады Сергей Рогов в ходе парламентских слушаний в Думе высказался за «Приднестровский вариант решения для Донбасса», при котором регион формально остался бы частью Украины, но получил бы фактическую независимость. Однако, хотя и России, и Соединенным Штатам неоднократно приписывали заинтересованность в сохранении замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, представляется, что в случае с Украиной это было бы лишь паллиативным решением, не нацеленным на перспективу.

Формы автономии Луганской и Донецкой областей, в соответствии с соглашениями Минск-II, должны были решаться в процессе выработки новой конституции Украины и после местных выборов. Однако киевская власть уже нарушает эти договоренности, объявив о начале конституционной реформы без согласования с представителями Луганской и Донецкой областей. В результате осуществления конституционной реформы в украинской Раде должны получить представительство и партии, выражающие интересы Востока и Юго-Востока страны. Предусматривается право назначения судов и прокуратуры на местном уровне, а также поддержание вооруженных отрядов собственной милиции. В отношении всех участников боевых действий соглашениями Минск-II должна быть применена амнистия.

В ходе второй минской встречи украинской стороне не удалось добиться установления немедленного контроля над участком российско-украинской границы в районе боевых действий, а другим участникам переговорного процесса – убедить украинские власти допустить международный контингент для этой цели. В результате в соглашении было зафиксировано, что Киев должен получить контроль над границей к концу 2015 г., что дает критикам достигнутой договоренности повод утверждать, что российская сторона сохранила возможность поставлять ополченцам вооружения и военную

технику. Но согласно тексту подписанного в Минске протокола, восстановление контроля киевских властей над границей произойдет только после проведения местных выборов в Донецком и Луганском регионах и по согласованным с ними и Россией правилам (хоть и на основе украинского закона).

Если же говорить о международной политике в целом, то перестройке международных отношений на более справедливой основе, с учетом нужд каждой из стран способствовал бы отказ Соединенных Штатов от установки на единоначальное лидерство, от позиции американской исключительности, уверенности в том, что «Америка знает лучше», использования силы как расхожего инструмента внешней политики, двойных стандартов и лицемерия. Американскому политическому истеблишменту следует перестать делать различие, как это происходит сейчас, между «американскими жизнями» и жизнями других.

Следует укреплять международные институты, укреплять международное право. России нужно не изолировать, а всячески вовлекать в решение международных проблем, где ее роль, особенно применительно к ситуации в Иране, Афганистане, Сирии, невосполнима. Определенным положительным сигналом возможной «подвижки» в американской позиции был визит в Сочи Джона Керри 12 мая 2015 г. Позитивным обстоятельством является и то, что Россия не свернула свое взаимодействие с США по Афганистану, борьбе с терроризмом, ядерной проблеме Ирана, сотрудничеству на МКС.

Белому дому нужно отказаться от штампов «империи зла» в отношении России, а воспринимать ее как равного и равноправного партнера, но при этом и не мерить ее собственным геополитическим аршином. Следует понимать, что Россия не имеет территориальных притязаний, ее политика направлена не на воссоздание империи, а на обеспечение безопасного окружения и по возможности – дружественно настроенных режимов в соседних с ней странах, а этому российское руководство видит угрозу в лице Запада и, в первую очередь, США.

Восстановление экономического сотрудничества

В экономическом плане Россию следует последовательно интегрировать, а не «дезинтегрировать» – пользуясь вольным переводом слов Барака Обамы. При этом одним из приоритетов международного сотрудничества должно как раз стать восстановление Украины, в первую очередь особенно пострадавших Донецкого и Луганского регионов.

Необходимы координированные международные усилия для того, чтобы не допустить гуманитарной катастрофы и обеспечить экономическое возрождение страны. Хотя в минских соглашениях нет специального положения о сотрудничестве между Россией и Западом (оно есть в предложениях группы

Бойсто), но оно особенно необходимо для восстановления экономики Украины. Очень важно, что договоренности Минск-II предусматривают трехсторонние переговоры между Россией, ЕЭС и Украиной о путях интеграции Украины в экономическое пространство ЕЭС, что предполагает учет мнения российской стороны.

В соответствии с соглашениями Минск-II должна обеспечиваться беспрепятственная поставка гуманитарной помощи в пострадавшие регионы, возобновление выплат украинскими властями зарплат бюджетников, пенсий и других социальных льгот соответствующим категориям жителей региона, восстановление банковского обслуживания Луганской и Донецкой областей силами европейских банков.

Информационная разрядка

Следует прекратить информационную войну в СМИ, перестать огульно обвинять западные страны, сократить разрыв между реальными Соединенными Штатами и западными странами в целом и тем, какими они предстают в российской (чуть было не сказала советской!) пропаганде. Нужно перестать исходить из теории заговора, не искать «руку Вашингтона» во всем, что происходит в мире. На парламентских слушаниях член Совета Федерации от Крыма О. Ковитиди говорила, что «Украина – модель того, как из страны-союзника и страны очень близкой сделать врага – для расчленения России, для полного уничтожения Российской государственности» [7]. А. Миграмян и В. Крашенинникова утверждают, что «в Вашингтоне будут умножать число конфликтов низкой интенсивности по периметру российских границ» [8]. Но в американских официальных документах и в заявлениях американских политиков не говорится ни о чем подобном! Скорее, именно такие высказывания, пускай и не напрямую, но увеличивают вероятность возникновения конфликтов у российских границ, вследствие роста взаимной враждебности, которую они провоцируют и культивируют. Американским политикам хочется тоже дать «советы постороннего». Хотя за океаном такие советы получать не привыкли, но, как представляется, на них имеют право те российские американисты, которые посвятили изучению этой страны немало лет жизни. Представителям американского политического истеблишмента хочется пожелать не смотреть на весь остальной мир сверху вниз. Убрать слова «наградить» и «наказывать» из внешнеполитического лексикона. Не называть соседние страны «задним двором» или «мягким подбрюшьем». Американским СМИ не следует начинать статьи словами «кто когда-либо слышал про эту крошечную страну» или «в этой далекой стране, про которую никто не знает». Не заканчивать статьи и политические дискуссии словом «whatever», демонстрирующим нежелание слушать оппонента или считаться с его мнением.

И конечно же, остановить русофобию и не видеть мир в черно-белых красках. Позитивным аспектом встречи Минск-II можно считать то, что в течение 16 часов А. Меркель и Ф. Олланд непосредственно слушали аргументацию В. Путина. То же самое можно сказать и о четырехчасовой беседе Керри с Путиным во время неожиданного визита государственного секретаря в Сочи в мае 2015 г. Но широкая западная аудитория, к сожалению, не имеет возможности слышать ни русских, ни восточных украинцев – безусловный пробел, без преодоления которого все обречены на то, чтобы холодная война вновь и вновь настигала нынешнее и последующие поколения.

Военные меры

Главной задачей соглашений Минск-II стало прекращение военных действий на Украине. По итогам прошедшей в Берлине 20 января встречи министров иностранных дел Германии, Франции, России и Украины в рамках контактной группы по урегулированию ситуации на Украине были созданы несколько рабочих подгрупп (по экономике, политике, гуманитарным вопросам, безопасности) с участием представителей Украины и ополченцев. Однако, по мнению ряда экспертов, работа в рамках этих рабочих групп будет осложнена тем, что контрагентами украинских участников в данном случае оказываются представители сепаратистов, которых представители украинского руководства называют «террористами». В соглашениях Минск-II снова, как и в сентябрьском соглашении, зафиксировано обязательство сторон отвести тяжелые вооружения, но теперь, в отличие от сентябрьских договоренностей, было оговорено, что вывод боевой техники ополченцев должен осуществляться от фактической линии контроля, а правительственных войск – от линии, зафиксированной в сентябрьских соглашениях, что в принципе является компромиссным решением, поскольку за предыдущие несколько месяцев линия противостояния сдвинулась не в пользу войск Порошенко (оговорено, на какое расстояние должны быть отведены различные системы огня). Но важно при этом обеспечить, чтобы Донецк и другие населенные пункты не подвергались обстрелу. Между тем многие договоренности не выполняются, как это уже бывало в прошлом. Эксперты указывают на то, что частные батальоны Коломойского и вооруженные отряды Правого сектора не подчиняются центральному киевскому командованию.

Вряд ли реалистично настаивать, как предлагает А. Мигранян, на прекращении военного сотрудничества Украины со странами НАТО. Но целесообразно рассмотреть и другие возможные пути обеспечения внеблокового статуса Украины. Например, по мнению Д. Тренина, достичь подтверждения нейтралитета этого ближайшего соседа России скорее получится не путем заключения договора, а на основе юридически не оформленного понимания

между Россией и Западом. Д. Ефременко, ссылаясь на мнение З. Бжезинского и Г. Киссинджера, считает предпочтительной «финляндизацию»³ Украины: «неприсоединение Украины к военным альянсам и, напротив, интенсивное развитие экономического сотрудничества как с ЕС, так и с Россией» [9], с параллельным признанием Россией свершившихся перемен, отказом от претензий на какие-либо части украинской территории и от попыток дестабилизировать новую власть в Киеве. Однако при этом он делает оговорку, что после победы Евромайдана «финляндизация» оказалась менее привлекательной как для националистических элементов в новом украинском руководстве, не желавших признавать каких-либо особых интересов Москвы на Украине, так и для российского руководства, которое должно было бы, таким образом, смириться с незаконной сменой власти в Киеве. Между тем представляется, что в настоящее время, с учетом того, что представители российского и украинского руководства возобновили прямой диалог, такой вариант развития событий не исключен – хотя и под иным «брендом», постольку поскольку сам термин «финляндизация» в период холодной войны воспринимался с негативной коннотацией как с одной, так и с другой стороны. Как бы то ни было, для России невступление Украины в НАТО остается своего рода «красной чертой» – принципиальным требованием, в отношении которого любые иные компромиссы для нее неприемлемы. Необходимо добиваться, как говорил С. Рогов на парламентских слушаниях в Думе, «сохранения остатков режима контроля над вооружениями».

Безусловным фактом является то, что, пользуясь его словами, «без СНВ, РСМД будет хуже» [7]. Необходимо прорабатывать пути дальнейшего ядерного разоружения, которые будут востребованы, когда двусторонние отношения улучшатся. Необходимы как возобновление российско-американского диалога, так и расширение процесса ядерного разоружения, с включением в него других стран, в первую очередь Китая, интенсификация мер по предотвращению распространения ядерного оружия, противодействие размещению боевых систем в космосе.

3. Термин, распространенный во второй половине XX в. и применявшийся преимущественно в западном политическом лексиконе для обозначения политики сотрудничества, лояльности и частичных уступок более слабой страны по отношению к соседней сверхдержаве. Его возникновение связано с заключением в 1948 г. советско-финского «Договора о сотрудничестве и взаимной помощи», устанавливавшего нейтралитет Финляндии и одновременно подтверждавшего ее статус как капиталистической страны с рыночной экономикой.

* * *

Произошедшее обострение особенно больно для представителей поколения, значительную часть жизни посвятившего сначала «разрядке» и ограничению вооружений, затем «перестройке» и налаживанию новых основ взаимоотношений с миром, а уже в недавние «нулевые» – преодолению враждебности в отношениях с США после грузинского конфликта и поиску совместных ответов на глобальные вызовы. Но конфронтация никому из сторон не идет на пользу и не соответствует интересам ни одной из них. Переговоры, переговоры и переговоры – и долгий путь восстановления отношений и восполнения ущерба, нанесенного противостоянием – вот что предстоит на многие годы и, возможно, десятилетия.

Литература

1. «Диалог во имя будущего», Официальный веб-сайт Фонда Горчакова «Мир и справедливость», 7–13 декабря 2014 г. – <http://gorchakovfund.ru/news/13310/>
2. New York Times, September 27, 2013.
3. «Горбачёв уже не может исключить превращения холодной войны в “горячую”» Interfax. Цитируется по «Ведомости», 29 января 2015 г. – <http://www.vedomosti.ru/politics/news/38797841/gorbachev-uzhe-ne-mozhet-isklyuchit-prevrascheniya-holodnoj>
4. Alexei Arbatov. «Worse Than the Cold War», Eurasia Outlook, Carnegie Moscow Center, September 16, 2014. – <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=56629>
5. Теоретическое обоснование данного подхода см., например, в книге Scholtz, H. and Schimmelfennig, F., 2007. EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood: Conditionality, Economic Development, and Linkage. EUSA Biennial Conference, Montreal, May 2007.
6. BBC News Europe, October 31, 2014. – <http://www.bbc.com/news/world-europe-29793696>
7. Парламентские слушания «Россия – США: Временное обострение или новая «холодная война»?», Государственная дума РФ, 8 декабря 2015.
8. «Холодная война 2.0: В Москве обсудили новый виток противостояния с Западом», Regnum, 12 января 2015 г. – <http://www.regnum.ru/news/polit/1872020.html#ixzz3Q7dl2C9x>
9. Ефременко Д.В. «Смена вех»: Россия и украинский кризис. – «Россия и современный мир». – М.: ИНИОН РАН. – 2014. – № 4.